

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
 ISI (Dubai, UAE) = 0.829
 GIF (Australia) = 0.564
 JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
 ПИИИ (Russia) = 0.126
 ESJI (KZ) = 8.997
 SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
 PIF (India) = 1.940
 IBI (India) = 4.260
 OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal
Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2020 Issue: 09 Volume: 89

Published: 11.09.2020 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Lilya Mikhailovna Shumskaya
 Yanka Kupala State University of Grodno
 Ph. D in Philology, Associate Professor

Irina Konstantinovna Komarova
 Belarusian Institute of Law, Grodno Branch
 Ph. D in Philosophy, Associate Professor,
 Head of the Department of the humanities and
 social and linguistic sciences, PhD in Philosophy,

THE FATE OF INTELLECTUAL ELITE IN Z.N. HIPPIUS'S ST. PETERSBURG DIARIES OF 1914-1919

Abstract: *The features of the embodiment of Gippius's artistic thinking including the awareness of the historical upheavals of Russia in early 20th century in her Petersburg diaries have been considered in the article. The role and importance of the writer in the search for new ideas about the freedom of the individual and his choice in the era of historical cataclysms have been grounded. The author substantiates the originality of the author's interpretation of the spiritual perfection of a creative personality in the process of comprehending the cataclysms of the war and revolutionary times, the movement towards the "perfect synthesis" of personal and social imperatives. The principles of the artistic consciousness of Gippius are revealed, the most important of which is the formation of such spirituality, which allows one to withstand the great spiritual upheavals of the era in order to achieve true freedom found in God as a condition for harmonious development.*

Key words: intellectual elite, literary diary, knowledge of God, revolution, freedom, artistic consciousness.

Language: Russian

Citation: Shumskaya, L. M., & Komarova, I. K. (2020). The fate of intellectual elite in Z.N. Hippius's St. Petersburg diaries of 1914-1919. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 09 (89), 189-192.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-09-89-21> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2020.09.89.21>

Scopus ASCC: 1208.

СУДЬБА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ В ПЕТЕРБУРГСКИХ ДНЕВНИКАХ 1914 – 1919 ГГ. З.Н. ГИППИУС

Аннотация: *В статье рассматриваются особенности воплощения художественного мышления Гиппиус, связанные с осознанием исторических потрясений России начала XX века в ее Петербургских дневниках. Обоснованы роль и значение писательницы в поисках новых представлений о свободе личности и ее выборе в эпоху исторических катаклизмов. Обосновывается самобытность трактовки писательницей духовного совершенствования творческой личности в процессе осмысления катаклизмов военного и революционного времен, движения к «совершенному синтезу» личного и общественного начал. Выявляются принципы художественного сознания Гиппиус, важнейший из которых – утверждение такой духовности, которая позволяет противостоять великим духовным потрясениям эпохи ради достижения истинной свободы, обретенной в Боге как условию гармоничного развития.*

Ключевые слова: интеллектуальная элита, литературный дневник, Богопознание, революция, свобода, художественное сознание.

Введение

В культуре начала XX века решение проблем взаимоотношения личности и общества,

определение места интеллектуальной элиты в потрясениях эпохи приводит к усилению философского начала, стремлению осмыслить

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.997
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

социальное окружение и обусловленность поведения индивида, пересмотреть роль элиты в жизни общества. Интеллектуальная элита всегда была источником самых важных для страны и общества событий и процессов, и очевидно, что она имеет отношение к причинам и последствиям существующих в стране проблем, а также возможным вариантам их решения. Для представителей этой группы людей созидание концептов мышления и действия людей представляет собой основное измерение власти и могущества [1, с. 8]. Как отмечал американские социологи, «всякая оценка способности общества справляться со своими проблемами зависит от качества его руководства и характера народа» [1, с. 13].

Проблематика роли элиты в государстве и обществе привлекала внимание очень многих авторов, которые интерпретируют ее значение в условиях стремительного усложнения политических и экономических отношений в мире, меняющегося характера действий крупных корпораций, многообразных социальных, этноконфессиональных групп.

Поэтому становится понятным доминирование в художественном сознании эпохи Серебряного века субъективного, личностного фактора, препятствовавшего развитию эпических жанров. Наиболее популярными и распространенными в этих условиях становятся различные формы автодокументальной литературы, в том числе дневники. Дневник превращается в самостоятельный жанр литературы, являясь одновременно своеобразным документом эпохи, а также личностной интерпретацией мира одним из представителей интеллектуальной элиты – автором такого произведения. Суть деятельности и предназначения интеллектуала лучше всего выражены следующими словами М. Фуко: «Эта работа по изменению своей собственной мысли и мысли других, и представляется мне смыслом существования интеллектуала» [2, с. 38].

В русской литературе начала XX века наиболее своеобразное воплощение подобной проблемы можно проследить в Петербургских дневниках 1914 – 1919 гг. З.Н. Гиппиус, отразившей судьбу России военного и революционного времен. В период написания Петербургских дневников обостряется интерес писательницы к общественным проблемам, главными для нее становятся вопросы свободы интеллигенции, ее выбора в эпоху исторических катаклизмов, судьба творческой личности в период революционной катастрофы, ее отношение к конструктивным и деструктивным началам революции. Попытки решения этой проблемы определили представление Гиппиус о Первой мировой войне как о процессе подавления

свободы и препятствии в движении к Царству «Третьего Завета»: «<...> всякая война, кончающаяся полной победой одного государства над другим, носит в себе зародыш новой войны <...>, рождает национально-государственное озлобление <...>, отдаляет нас от того, к чему мы идем, от «вселенскости». Идет организованное человекоубийство <...>, нет истории, нет движения, нет свободы, нет Бога» [3, с. 101].

В этих условиях основным для Гиппиус становится вопрос о взаимоотношениях русской интеллигенции и власти в условиях ломки привычного уклада жизни и существовавших прежде духовных ценностей. В дневниках Гиппиус просматривается отношение к русской интеллигенции как к социальному феномену, обладающему цельным мировосприятием, при котором отдельные культурные, в том числе политические феномены не воспринимаются автономно друг от друга на уровне символов, но увязываются в сознании индивидуума в рамках единой логически непротиворечивой картины мира [1, с. 76].

Подобный интеллектуализм ярко проявлен в дневниках писательницы в образе творческой личности в период Первой мировой войны и двух революций: Творческие люди, старательно ищущие выход, – это «совесть и разум России», «единственное слово и голос России» [3, с. 3]. Такое понимание статуса творческой личности в период революционных перемен переключается с мнением М.Л. Гаспарова: «Интеллигенция выступает на первый план в те моменты, когда общество оказывается в непривычной критической ситуации и реакции накопленного опыта не срабатывают» [4, с. 14]. Д.С. Лихачев объясняет это тем, что именно интеллигенции была присуща «независимость мысли при европейском образовании» [5, с. 7].

Сама Гиппиус неоднократно отмечает, что принадлежит к этому широкому кругу русской интеллигенции [3, с. 12]. Исследователи творческого наследия Гиппиус обращают внимание еще и на «поэтическое чутье, провидческий характер ее произведений» [6, с.89]: *Она не погибнет – знайте, / Она не погибнет, Россия, / Они всколосятся, – верьте, / Поля ее золотые. / И мы не погибнем – верьте! / Но что нам наше спасенье? / Россия спасется, – знайте! / И близко ее воскресенье* [7, с. 32].

К вопросу о роли интеллектуальной элиты в кризисное время Гиппиус обратилась еще в 1908 году. Даже свойственные ей растерянность и абсурдные идеи она считает потенциалом позитивного развития: «В окружающем бурлящем хаосе есть зерна истинного сознания, в нем рождается новая мысль, новое ощущение себя, людей и мира, надежда на иное искусство, иное действие» [8, с. 18].

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.997
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Но уже в начале 1917 года Гиппиус утверждает: «Через год, через два, но будет что-то, после чего: или мы победим войну, или война победит нас. Ответственность громадная лежит на наших государственных слоях интеллигенции, которые сейчас одни могут действовать» [3, с. 144]. В это время спасение видится лишь в одном – в революции. Поэтому Февральская революция воспринимается как очищение, свобода, «чудо» [3, с. 4], «светлая, первая влюбленность» [3, с. 6]. От Февральской революции писательница ждет пробуждения творческих революционных сил интеллигенции, проявления «нового религиозного сознания» и превращения России в мир свободы, любви, равенства. Именно интеллигенция, по мнению Гиппиус, может уравновесить разрушительную и созидательную силы революции, преобразовать их в «творческую революционную Россию». Уже в начале октября 1917 года она предвидит новое революционное потрясение и записывает: «Готовится «социальный переворот», самый темный и грязный, какой только будет в истории. И ждать его нужно с часу на час» [3, с. 266].

Октябрь 1917 года для Гиппиус ассоциируется с полной утратой нравственных ценностей и святынь, великим общим грехом нации, допустившей к власти политических проходимцев и позволившей издеваться над собой. Октябрьская революция для писательницы – контрреволюционный бунт, торжество «надмирного зла» и зримое пришествие «Царства Антихриста», поправшего свободу индивидуума. Большевиков она воспринимает как с «царство Антихриста», приведшее Россию к небывалому в истории «всеобщему рабству»: «Физическое убийство духа всякой личности... Разрушение, обвал всей культуры. Привыкнув к этому состоянию, человек становится получеловеком – «апатичным и покорным» [3, с. 77]. Большевики уничтожают культуру, которая может противостоять «злу Антихриста» и противопоставить тоталитарному подавлению личности истинную свободу, обретенную в Боге. Ради спасения русской культуры от гибели и забвения писательница пытается призвать западные державы к интервенции в Россию: «Кто бы ни боролся с большевиками – всякому помогать. Ибо жизнь в кровавом колесе, КАЖДЫЙ ЛИШНИЙ ДЕНЬ ИМЕННО БОЛЬШЕВИЦКОЙ ВЛАСТИ – ЛИШНИЙ ГОД ПОЗОРА РОССИИ» [9, с. 44].

Однако последовавший за Октябрьской революцией кризис подталкивает Гиппиус к пересмотру позиции: «Противные, черные, страшные и стыдные дни!», «Бежать некуда. Родины нет» [3, с. 273]. Правда, есть и другой, неприемлемый для Гиппиус путь выживания – сотрудничество с новой властью,

саморазоблачение и предательство. Утверждая, что главный признак творческой личности – это ответственность за свои взгляды и поступки, писательница отказывается простить интеллигентам-перебежчикам соглашательскую позицию. Показательна в этом отношении характеристика А. Блока: Сегодня был А. Блок. В начале-то на войну, как на «праздник» смотрел, прямо ужасал меня: «весело!» Абсолютно ни в чем он никогда не отдает себе отчета, не может. Хочет ли? Сейчас растерян. Спрашивает беспомощно: «что же мне теперь делать, чтобы послужить демократии?» [10, с. 8].

Стремление писательницы выразить свое отношение к судьбе творческой личности в условиях революционных перемен в дневниковом жанре объясняется отчасти усиливающимися цензурными репрессиями. «Писать нигде ничего нельзя, атмосфера удушья», – вспоминает она о революционных событиях в «Живых лицах» [10, с. 219]. Отчасти это попытка предельно точно запечатлеть исторический момент, донести до читателя пережитое и увиденное: «Не надо русскому писателю быть профессиональным политиком, чтобы понимать, что происходит. У нас были только открытые глаза. И мой дневник естественно сделался записью общественно-политической» [3, с. 5].

Попытки осмыслить степень ответственности творческой личности за будущее страны обуславливают не только направленность дневника периода революционных потрясений, но и выбор героя. Много лет спустя писательница признается, что ей хотелось запечатлеть в этих дневниках не только переломные события, свидетелем которых ей довелось быть, но и «каждого человека, его образ, личность, роль в той громадной трагедии» [3, с. 7]. Героями Петербургских дневников становятся представители русской интеллигенции (известные поэты и писатели, юристы и врачи, политические и общественные деятели), которые необходимы писательнице для реализации ее концепции развития мира. Писательница изображает умение представителя интеллектуальной элиты противостоять политическим катаклизмам, охватившим Россию, способность жить в новом общественном строе.

Наиболее разумной, по мнению Гиппиус, оказалась позиция Керенского, на элитарность которого в революционном правительстве она возлагала большие надежды. Однако вскоре председатель Временного правительства становится для писательницы «ходячим абсурдом», символом наступающей катастрофы. Керенскому, у которого «все было сложно, фантастично, туманно, болезненно и <...> преступно», она противопоставляет прямолинейность и конкретность Корнилова [9, с.

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.997
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

54]. Более того, введенные в текст дневника строки из стихотворения «На поле чести»: *Открой, Господь, поля озаренные / Душе убитого на поле чести* звучат как торжественный гимн Корнилову, готовому пожертвовать своей жизнью в борьбе с воплощенным в большевизме метафизическим злом, и служат его мифологизации. По мнению Гиппиус, имя генерала Корнилова обретет святость и бессмертие, станет прорывом в вечность. Ее восхищает жертвенность русского героя, ставшего символом России, преобразованной под знаком Царства «Третьего Завета».

Тема священной жертвенности и связанной с ней вечной памяти перекликается со стихотворением писательницы «Имя», также посвященным генералу Корнилову. Это произведение звучит как торжественный гимн герою, пожертвовавшему своей жизнью в борьбе с большевизмом, как метафизическим воплощением зла. По мнению Гиппиус, имя Корнилова станет прорывом в вечность в отличие от кровавых событий Октябрьской революции, которым суждено погрузиться в небытие: *Безумные годы совьются в прах, / Утонут в забвенье и дыме / И только одно сохранится в веках / Святое гордое имя. / Твое, возлюбивший до смерти, твое, / Страданьем и честью венчаный. / Проколет, прорежет его острие / Багровые наши туманы* [7, с. 201].

Гиппиус пытается прочесть скрытое пророчество, заключенное в имени и отчестве адресата стихотворения (Лавр Георгиевич): *От страда клевет не угаснет огонь, / И лавр на челе не угаснет, / Георгий, Георгий! Где верный твой конь? / Георгий Святой не обманет* [7, с. 202]. Она создает образ лаврового венка, связанного в

христианстве с представлениями о победе и воспринимающегося как знак вечной жизни. Отчество генерала также воспринимается как сакральное послание, в котором Корнилову предначертан путь христианского святого, великомученика Георгия Победоносца. Стихотворение завершается гневной угрозой, обращенной к революционной России: *Дрожи, чтоб Святой и тебе не отомстил / Твои блудодейства, Россия!* [7, с. 202].

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

– Петербургские дневники Гиппиус 1914 – 1919 годов являются документом эпохи, отражающим судьбу революционной России и манифестом писательницы в защиту интеллектуальной элиты ее времени, способной осуществить «совершенный синтез» личного и общественного начал через отказ от разрушительного потенциала революции, ведущего к утрате нравственных ценностей, и через утверждение необходимости сохранения ею святости и истинной свободы, обретенной в Боге;

– Специфической функцией интеллектуала, воплощенной в Петербургских дневниках, является способность уравновесить разрушительную и созидательную силы революции, преобразовать их в «творческую революционную Россию» и превратить ее в мир свободы, любви, равенства. Носителем этого идеала для Гиппиус является русский интеллигент, умеющий противостоять политическим катаклизмам, охватившим Россию, способный жить в новом общественном строе, духовность которого выражается в способности к сочувствию, состраданию, самоотверженности, праведности.

References:

1. (1994). *Intellektual'naia elita Sankt-Peterburga*. V 2 kn., kn. 2. (p.92). SPb: SPbUEF.
2. Fuko, M. (1996). *Volia k istine: Po tu storonu znaniia, vlasti i seksual'nosti*. (p. 447). Moscow: Magisterium.
3. Gippius, Z.N. (1982). *Peterburgskie dnevniki (1914–1919)*. (p.296). N'iu-York: Orfei.
4. Gasparov, M.L. (2012). *Intelligentsiia i revoliutsiia. Zapisi i vypiski*. (pp.84–88). Novoe literaturnoe obozrenie.
5. Likhachev, D.S. (2003). O russkoi intelligentsii: pis'mo v redaktsiiu. *Novyi mir*, № 2, pp.3–9.
6. Lavrov, A.V. (2007). *Russkie simvolisty: etudy i razyskaniia*. (p.629). Moscow: Progress-Pleiada.
7. Gippius, Z.N. (1991). *Sochineniia: Stikhotvoreniia. Proza*. (p.672). L.: Khudozh. lit.
8. Krainii, A. (1908). Dobryi kaos. *Obrazovanie*, № 7, pp.14–25.
9. Gippius, Z.N. (1991). *Chernye tetradi. Zven'ia: istoricheskii al'manakh*. (pp.20–173). Moscow: Progress.
10. Gippius, Z.N. (1991). *Zhivye litsa. Vospominaniia*. V 2 t., t.1. (pp.384). Tbilisi: Merani.